

но... немного. А она говорит: "Слушай, у него есть квартире в Московском районе". Я говорю: "Адрес. Вы не знаете?" Она говорит: "НЕ знаю. Вроде бы..." Она мне назвала улицу, я не помню эту улицу. А тогда... я значит, пошла в адресный стол. В адресном столе адреса нет его. Она сказала, как его фамилия. И мне сказали друзья, что ведь... КГВшники... у него засекречен адрес, ни его телефона нельзя узнать, если бы он у него был, я не знаю, был ли он у него или нет, ни адреса. В адресном столе этого нет, они не прописаны. В том смысле, в каком мы все прописаны. То есть он как бы засекречен. И тогда я пошла на эту улику и стала обходить дом за домом. А дома там

Р.: Московский район Ленинграда...

Н.: Да, но нет, не весь район, а вот эту улицу и прилежащие...

Р.: А все-таки это часть... это часть города Ленинграда, Московский район.

Н.: Да, да, ну, также как Петроградский район, Куйбышевский... Василеостровский район. Это сам город. Сейчас Московский район очень расстроился, в смысле расстроился. Стройки там большие, он вообще громадный стал. А тогда он был еще вполне компактный, прилегающий, не прилегающий, а город.

Р.: Я еще раз поставлю чайник...

Н.: ДЖа, я стала ходить по домам и узнавать живет такой или нет. Я ходила много дней, потому что улица большая и дома огромные. Я там крутилась в этом самом, во дворе и всех спрашивала; что вот, мол, я ищу родственника, вот такой-то. Мне сказали, что где-то здесь. И в одном из этих домов мне сказали, да.

Тогда я подробнее узнала, с кем он живет. Он жил с женой и двумя детьми. И мне стало ясно, что то была его первая жена, которую он бросил, в деревне. Потом он ей сделал эту комнату и остался прописан в этой квартире, а в другом районе получил на вторую семью и себя вторую еще квартиру. А эта уехала, наверно, узнав, что у него жена, с тремя детьми, она уехала к себе в деревню. Вот такая вырисовалась комбинация. Я, значит, ходила наверно две недели, не меньше.

Side 1

Side 1

23-33

looks for KGB

Doughnut

Ну, я не помню, может 13 дней было, или 12 или 15.
В общем, вот так вот... как детектив. Вот, я значит,
выяснила, с кем он живет, и пошла в ЖЭК. И в ЖЭКе я
напрямую им объяснила, в чем дело. Что вот я приехала с
фронта, комната занята, а у него тут квартира, он в ней живет.
И мне они выдали справку... Вообще... это время было каким-то
временем, когда с одной стороны люди совершенно озверели, а
с другой стороны, проявляли необыкновенную человечность.

Вот как в этой артели инвалидной, где я работала кассиром,
когда пошла на них доносить, в райкоме, помните, я Вам
говорила. Они столько сделали для меня... Так и тут вот...

Там сидели люди, как моя секретарша в ЖЭКе, которая мне сказала,
что у него где-то есть квартира и даже улицу мне сказала.
Адреса она не знала.

Р.: Друг другу помогали...

Н.: Да, друг другу помогали и могли помочь совершенно в
обход всяких законов, понимаете, не думая об этом. Они мне
дали справку о том, что он живет а таком то, там то и там -то,
и состав семьи - жена и двое детей. Двухкомнатная или
трехкомнатная квартира уже была у них. Когда ни у кого их
не было, этих квартир. Потом я, значит, пошла опять к своей...
Это не очень скучно, то что я рассказываю?

Р.: Нет.

Н.: Потом я пошла к своей секретарше. Своего ЖЭКа.

Р.: А ЖЭК, это что, какие дела?

Н.: Жилищно-эксплуатационная контора. Это... ну, офис, домашний,
апартамент. Дома с апартаментами. И говорю, что вот так вот и так вот,
у меня справка. Она говорит: "Давай я тебе тоже дам справку, что
он здесь прописан и у него, значит, ...один живет". После чего,
вооружившись этими документами, я пошла в районное жилуправление.
И такая сытая, раскормленная блондинка, принимает, начальник...
начальница... Да, я забыла Вам рассказать одну вещь. Ничего, что
я вклиниваюсь?

Р.: Да, ничего, потому, что потом можно как -то...

Н.: Я приехала и первым делом должна была пойти в военкомат,

потому что мне надо было демобилизоваться ... и получить паспорт. У меня же паспорта не было. Я привезла с собой красноармейскую книжку. И демобилизационное удостоверение. Мне надо было демобилизоваться и получить паспорт. Больше, я не люблю, когда мало чая. Это максимум. Нет, не хочу. А Вы ешьте.

Р.: Да, и что... значит, так что...

Н.: И сразу возникли трудности. Вообще у меня никогда столкновение с властями любыми не обходилось без каких-то трудностей. И должна сказать, что моя... Во-первых, я усвоила себе, что начальство обожает дураков. Поэтому я всегда разыгрывала откровенного дурака. Понимаете? Вот, и никогда не обманывала; между прочим. Вот. Во всех этих делах я перла напрямик, с совершенно чистыми глазами. Я объясняла, как было дело. Дело в том, что меня не могли демобилизовать, потому что меня не мобилизовал никакой... никакой военкомат.

Original in the
Howard Gotlib Archival
Research Center
Boston University

Р.: Это было сделано на месте, спонтанно.

Н.: Понимаете, вот я приехала из армии, у меня красноармейская книжка, и демобилизационное удостоверение, То есть я вроде существую, но как я появилась - совершенно непонятно. Потому что меня должен был мобилизовать какой-то военкомат. Если я в это время была в Свердловске, то Свердловский военкомат меня должен был мобилизовать. А этого у меня не было, потому что я поехала по отпусковому удостоверению, как я Вам рассказывала.

Р.: Поэтому у Вас не было...

Н.: Поэтому у меня не было возможности демобилизоваться. Вот, ну, это довольно быстро утряслось. Они почесали в затылке, куда-то позвонили и меня довольно быстро демобилизовали.

Р.: А что насчет этой блондинки там...

Н.: Да, вот значит я пришла в это ... в районное... в райжилуправление. И сидит такая сытая крашеная блондинка... А все голодные после блокады, продуктов мало, плохо очень еще, по карточкам. А она такая откормленная бвбв... И еще со мной какой-то тоже демобилизованный солдатик, немолодой уже человек, который тоже провоевал, тоже приехал из

армии, его по болезни демобилизовали и приехал и у него тоже занята комната. И мы вдвоем сидели у ее стола ... она такая официозная, грудь пышная, такая бюрократическая дамочка...

Р.: Да, есть такие...

Н.: И говорит, у Вас нет оснований претендовать на площадь, мне... Потому что, во-первых, площадь уже занята... А я ей уже показала, что у него... что он здесь прописан, в одном районе, и там у него квартира, а тут у него комната, которая стоит пустая. Если бы была занята комната, было бы сложнее. И у того тоже какие-то, тоже неясное положение... Она говорит, что у нас нет, значит, оснований, потому что... потому что я шла в армию не из Ленинграда, а из Свердловска, и потому у меня нет уже права на Ленинградскую жилп

обстоятельства, но ему она тоже отказывает. И он уже вроде собирается... такой покорный мужик... уходит. Я думаю, ругатней тут не возьмешь, эту блядь крашенную. И я говорю: "Слушай, браток, ты на каком фронте воевал?" Он говорит: "На 2-м Белорусском".

"И я со 2-го Белорусского. Слушай, думали ли мы, когда сидели под пулями в окопе, в грязи, что нас так родной город встретит?" Мгновенно он, значит, он принял эту игру, и мы у нее совершенно ее остранив, стали друг другу рассказывать где и как мы были, и как мы страдали, что было правда. Она сидела - сидела, потом прослезилась, пустила слезу, то ли у нее кто-то тоже там был. Знаете, она-то была вполне благополучная. Может у нее в семье или брат погиб, или отец убит, или... и выписала нам ордера.

Р.: Вам обоим?

Н.: Да. И мне и ему.

Р.: Молодец, в конце концов.

Н.: Сука она была бюрократическая. Но вот тоже что-то человеческое в ней еще сохранилось. Позже этого не было уже. Вот в Брежневские времена этого почти не было. Это уже было дохлое дело. Надо было взятки давать, находить блат какой-то. А вот так вот прийти и расшевелить человеческое что-то... А при Сталине это еще было...

Р.: Это интересно, как сам факт...

Виктор Викторович

Ну, и как выглядел Ленинград?

Н.: Да, значит я пошла в ЖЭК, пришли ЖЭКовцы, открыли замок, взломали дверь и я вошла в свою комнату.

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Р.: Наконец...

Н.: В ней ничего не было. А ней было два стула сохранилось, сундук, который был кованный какой-то прадедовский, моего мужа матери, моего мужа. Окна заколоченные фанерой, темно, лампочка болтается маленькая на шнуре. Уже электричество было в это время в Ленинграде...

Р.: Это точно когда? В июне что ли?

Н.: Это был 45-й, это было уже начало августа. Да, а до этого я жила у приятеля.

Р.: А Москве?

Н.: Нет, в Ленинграде.

Р.: А Ленинграде тоже.

Н.: Да. Вот у одного из тех, кто меня отправлял... вот когда я приехала в начале войны, вот я Вам говорила, что мои друзья

Р.: Те, кто не хотели Вас принять, потому что Вы недостаточно с обожанием смотрели на их таланты...

Н.: Нет, это семья моего мужа. Нет, это были мои друзья, которые стали говорить, что немцы идут на Ленинград, а ты на костылях... И что мы будем уходить и будет тяжело, и тебе тяжело будет, и мы тебя бросить не сможем. Вот, так вот у него я жила.

Р.: Значит, так, получили комнату в августе.

Н.: Да, в начале августа это было. Месяц в общем ушел на это.

А приехала я... уехала, наверно, в конце июня, где-то... из Германии. Это если нужна такая точность, то надо узнать, когда был ...приказ о демобилизации. Он был через неделю после того, как я уехала. Я была еще в пути. Я еще до Москвы не доехала, когда уже был приказ. И у меня было бы другое несколько материальное положение... потому что я чем-то была бы снабжена, хоть на первое время. Я уехала, вот как вот стою. Поскольку всегда хотела поступать по-своему, не дожидаясь пока

*to get room
back*

начальство будет заботиться...

Р.: Хотя неделя ваша... Значит, так, ну, как выглядел Ленинград?

Н.: Ленинград выг

восстановить, а пока что придать ему хотя бы приличный вид.

Спешно разбирались разбомбленные дома. Если сильно были разбомблены, то есть если это были развалины, то их убирали.

Почему то очень страдали угловые дома, вот где перекресток улиц, то хотя бы один из домов был разбомблен вдребезги. Не знаю почему...

Разбирали развалины и сразу засаживали деревьями. То есть, в этих местах, бывших разбомбленных, скверики. В домах, которые еще собирались восстанавливать, в окна, в которых уже ничего не было, вставляли фанеру, и рисовали окна, понимаете...

Р.: Рисовали окна?

Н.: Рисовали окна, понимаете, окно, рама оконная на фанере, а дом еще когда-нибудь будут восстанавливать.

Р.: Как знак того, что...

Н.: Да, нет, просто чтобы это красивее выглядело, потому что вот эти голые провалы окон очень страшно выглядели, чтобы не видно было, что это развалины...

Р.: Как будто бы... я хотел бы понять более точно... это была фанера, на которой было...

Н.: ...на которой нарисовано окно...

Р.: Да, картина как будто бы, картина какая-то...

Н.: Ну, просто окно, переплеты...

Р.: С рамами и так далее...

Н.: Рамки именно рисовали...

Р.: А люди были истощены, усталые...

Н.: Нет, уже нет, уже не истощены. В городе было нашествие блох и крыс. Кошек не было в блокадном Ленинграде, то есть, говорят, что за кошку платили 200 рублей. Чтобы достать кошку, кошек не было, всех съели в блокадном Ленинграде. И...не сразу... надо было завезти кошек, чтобы они еще расплодились, чтобы коты появились. А крысы просто оккупировали город, потому что они отъелись на трупах, которые в домах...в домах умирали и не сразу же можно было убрать эти штабеля трупов. Поэтому крысы были

Lenny

Andy

совершенным бичом. Народ был пустой. Прохожих было очень мало, ну, совсем мало. Спешно восстанавливались рельсы ... трамваи уже ходили, уже ходили автобусы. Я не помню, когда троллейбусы появились, до войны или после... Ну, в общем транспорт работал хорошо и в нем было свободно, потому что народу было очень мало... Улицы были полупустые, даже Невский... два-три прохожих идет на обозримом пространстве. Город был пустой и прекрасный, переживший блокаду.

P.: А настроение было какое?

N.: Настроение было очень бодрое. Ждали хорошего, ждали лучшего. Казалось, что сейчас вот будет расцвет культуры. Что изменится что-то, что отпустят пресс этот... Но потом оказалось, что все заручено еще... Я хочу Вам закончить эту историю, потому что она закончилась очень забавно.

P.: O.K., good.

N.: У своего приятеля, вот у которого я жила, я познакомилась еще с одной ленинградкой, которая очень близкой моей подругой стала. она вот сейчас очень больна, она старше меня лет на 7. Ей 82 года, она очень сейчас больна... Я с ней виделась вот когда была... и Новый Год с ней встречала... И она пыталась умереть в Новый Год на моих руках... Не умерла...

P.: А какие...

N.: У нее тоже не было ... ее квартира тоже была занята. Но ее положение было хуже, чем у меня, во-первых, потому что она вернулась из эвакуации. А во-вторых, потому что ее квартиру заняли люди, у которых дом разбомбили. А такие люди не подлежали выселению. Понимаете? То есть считалось, что они в худшем положении, чем она, которая была в эвакуации. Но другое дело, что она там тоже умирала с голоду и работала в деревне на самой тяжелой физической работе.

Zoya her friend's problem
USE?

Р.: И такие категории были? Эвакуированные и...

Н.: Да, эвакуированные считались вообще... Когда Ленинград разгружали, то просили уезжать. А когда эти люди могли вернуться, то, во-первых, без пропуска их не пускали. И вот моя другая подруга Зоя Моисеевна Задунайская, ну, она мой соавтор вообще, мы с ней и вместе прожили 30 лет и работали вместе. Она могла завербоваться только как рабочий на восстановление Ленинграда. Это была единственная единственная возможность получить пропуск. Или надо было иметь вызов от работы своей, или от завода, на котором ты раньше работал, или других путей не было в Ленинград. Или ты вербовался на работы по восстановлению Ленинграда. Но человека, менее приспособленного к таким работам, не сыскать было. Даже когда набрали вот эту команду женщин и послали на разбор развалин, то очень хороший прораб... он тоже посмотрел на то, как эти женщины работают вот в первый же день, потом собрал их всех и сказал:

"Так, работать вы не умеете, но я вас научу, кроме... вот как Ваша фамилия?"

Она сказала:

"Задунайская".

"Кроме Задунайской. Задунайскую научить нельзя".

Вот, но он ее не уволил, потому что ей надо было где-то прописаться. И пока она не прописалась, он ее не увольнял.

Р.: Тоже хороший человек.

Н.: Замечательный человек, а таких много тогда было. Тогда было какое-то единство в народе. Единство и понимание, что время тяжелое и надо помогать. Вот, значит... И когда я получила свою комнату, а она тоже пристроилась у этого приятеля моего, а приятель с женой куда-то уехали отдыхать, впервые за войну уехали отдыхать. Таким образом, мы были... мы познакомилась в чужой квартире. Мы жили этот месяц...

Р.: С Зоей...

Н.: Да. Причем, это был ужасный месяц, потому что у нас все ломалось, все билось, это было какое-то проклятие: чужая квартира. И приятель-то мой был хороший, а жена-то его вовсе не была расположена ко мне, потому что у меня с этим человеком был очень

серьезный роман. Он расхохотался с ней, мы собирались жениться. В общем, там были всякие потрясения в прошлом. А также в настоящем. В том настоящем. В общем, она не была счастлива оттого, что я поселилась в их квартире, даже притом, что их нет. Потом... потом он очень просил меня родить ему ребенка... вот уже после войны. Я уже говорила, что я не беременела после аборта, который я сделала на фронте. Потому что я грузовик толкала, дрова пилила, лес валила... не было у меня больше, а я очень хотела родить;

и он хотел, у него не было детей. И от меня он когда-то не хотел, а потом вот захотел. Так что у меня не было такого уж сознания, что я могу там жить...долго. Но я получила свою комнату и мы переехали и обе, и я и моя приятельница, с которой я познакомилась там вот на квартире...

Р.: Какая это, как ее...

Н.: Анка. Да.

Н.: Мы переехали ко мне. У Анки было два мешка картошки. Она их привезла из эвакуации. Она была где-то на Крае, в Сибири, по-моему. Она привезла два мешка картошки. Это было неслыханное богатство. Потом мы достали два срубленных дерева. Но они были совершенно мокрые... мы их поставили, топить ими нельзя было, тем более, что они были еще не распиленные...поставили прямо, как-то вволокли и поставили у стенки и с них текли такие потоки воды. И была у нас керосинка. Знаете, что такое керосинка?

Р.: Маленькая такая...

Н.: Ну, да, это то, на чем можно в общем варить еду, скажем.

Р.: Топливо, это керосин.

Н.: Керосин, да. Не бензин, а керосин. Но у нас она почему-то взрывалась иногда и выбрасывала столп пламена. Один раз обожгла мне всю морду. Не важно... Это было единственное отопление. Зима-то там лютая и стекло нет в окнах, фанера. Темно все время, как в пещере; п
что у нас есть крыша над головой, и уже есть и... у нее дело сложнее и она в Верховном Суде в конце концов дала взятку. Хотя тоже она

*disentangle
Anka
&
Zoya*

деньги занимала где ни попадя. Вот и однажды вечером стучится в дверь кто-то, является ГВШник, холеный, в форме. И начинает скандалить: "Что такое, я вас вышвырну отсюда, вы незаконно въехали, хозяйка умерла, Вы самозванка." Но, в общем, я очень мирно с ним, тоже не ругаясь, объясняю ему, что я не самозванка и не умерла, а вот вернулась ... и он начинает говорить: "Вот, приехал из командировки, а жить-то негде. Что же вот, пришел домой, а жить негде". А я-то знаю, что он врет, что у него двухкомнатная квартира, или трехкомнатная в Московском районе... Я говорю: "Что вот видите, я же первая, я же все-таки хозяйка этой квартиры. Вы ее заняли пока я была на фронте. Я ее не отсиживалась где-то, я не знаю, воевали вы или нет, а я-то воевала. Я с фронта приехала, что же я должна на улице жить?" Он говорит: "Да, но вот у меня положение безвыходное. Я понимаю, что Вы оказывается живая. А я думал - умерла. Так, вот что Вы мне посоветуете, что теперь делать?" Я ему говорю: "Доставать новую квартиру. Но я Вам дам совет один". В Куйбышевский район и в Московский район не ходите. Там знают, что у Вас на такой-то улице квартира, где Вы живете с женой и двумя детьми". Он раздражается матом, жутким совершенно, фронтным. Но меня этим не испугать было. Выхватывает из кармана нож, хватает эту лампочку, которая у нас болтается голая, на шнуре и срезает ее... Кладет в карман и хлопая дверью уходит. И вот мы в темноте сидим, и хохочем, умираем. Совершенно. Но тогда достать патрон и лампочку было совершенно немыслимо. Где-то мы украли. По-моему, она украдала на службе,

приятельница. Срезала тоже. И мы приштандорили... Хорошие воспоминания, ей богу!

Р.: А какой он был человек внешне и ...

Н.: Он понял, что он разоблачен. Он же даже в глазах ГВ совершил черт знает что: он прописан в двух местах.

Р.: Это тоже нельзя.

Н.: Конечно, у него могли быть неприятности. Так что когда он понял, то кроме мата и срезать нам патрон, он ничего не мог сделать.

Р.: А все-таки ему надо было вот так сделать, надо было что-то сделать

Н.: Но бой-то я выиграла, причем самым подлым образом. Мы с ним долго

basic
end of
room
story

разговаривали и я молчала, что я знаю это, а под конец я ему это выдал
Что я ему советую не обращаться...

P.: Хорошая тактика...

Передышка будет скоро...

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University